

Пресса об Артуро Пересе-Реверте и «На линии огня»

Мы все знаем Артуро Переса-Реверте. Этот человек в выражениях не стесняется — он говорит ясно, за словом в карман не лезет и называет вещи своими именами. Этого человека сложно оскорбить — он сам кого хочешь оскорбит.

«На линии огня» — роман не о борьбе добра со злом, здесь нет героев и злодеев. Более того, едва начав читать, забываешь, на чьей ты стороне. Здесь все персонажи живые и все очень молоды, просто до неприличия молоды — мужчины, женщины и подростки, ополченцы и legionеры, республиканцы и франкисты.

Это гуманистический роман — и очень жестокий, как и Гражданская война, как любая война, в которой проигрывают все, а выигрывают очень немногие. Это ослепительная, зверская книга, выкованная из множества маленьких личных историй, которые переплетаются и складываются в великую катастрофу.

Esquire

«На линии огня» — не только роман о боях, стрельбе, крови, отваге, тяготе и неотступном страхе смерти (порой о страхе «сознательном, спокойном, не мешающем рассуждать и размышлять»); это сокрушительное динамичное повествование о людях, которые сходились лоб в лоб и гибли в этой беспощадной мясорубке. Надо думать, в глубине души Артуро Перес-Реверте посвятил эту книгу солдатам, которые сражались на этой войне, а затем, возвратившись домой, больше не обмолвились о ней ни словом.

Nueva Tribuna

Сочетая скрупулезность с изобретательностью, самый популярный испанский писатель создал не просто роман о Гражданской войне в Испании, но мощный эпик о мужчинах и женщинах на любой войне — историю беспристрастную и завораживающую.

Lecturalia

Грандиозная, шокирующая и глубокая работа — сплошь живая плоть и кости, ни грамма жира. Перед вами Артуро Перес-Реверте в зените своей литературной зрелости, свободный от любых условностей.

El Día de Valladolid

Артуро Перес-Реверте в лучшем виде. Его романы переплетаются друг с другом в сложную сеть, которую классика называла стилем, а современность — миром.

ABC Cultural

Этот роман не оставит равнодушным никого. Артуро Перес-Реверте знает, о чем говорит, и знает, как об этом рассказать.

ABC

«На линии огня» — военный эпик о смятении, беспомощности и страхе.

El Mundo

Исчерпывающий роман о Гражданской войне в Испании, грандиозный и увлекательный литературный проект — преодолевая время, он погружает нас в реальность истории и, вопреки жестокости сюжета, неодолимо завораживает.

La Vanguardia

«На линии огня» — великий роман.

El Confidencial

Этот роман, амбициозный и достоверный, избегает бинарного упрощения — это великая книга, призывающая к примирению.

El Cultural

Волшебная палочка Переса-Реверте не только умело создает вымышленных персонажей, которые населяют повествование с той же достоверностью, что и настоящие, но и позволяет автору разъяснять самые сложные вопросы простым и понятным языком.

La Gaceta Regional de Salamanca

Есть писатель, похожий на лучшую версию Спилберга, помноженного на Умберто Эко. Его имя — Артуро Перес-Реверте.

La Repubblica

Артуро Перес-Реверте знает, как удерживать читательское внимание страницу за страницей.

The New York Times Review

Этот роман бьет наотмашь — и читателю остается только ловить воздух ртом.

Corriere della Sera

Не успеваешь переверачивать страницы.

Publishers Weekly

Перес-Реверте дарит нам увлекательную и умную игру истории с вымыслом.

The Times

Типичный Перес-Реверте — радикально современный, умный и сложный. Каждая его книга создает неотразимую психологическую атмосферу.

The Boston Globe Book Review

Здесь рассказывается о том, как в ночь с 25 на 26 июля 1938 года в начале битвы на Эбро бойцы XI сводной бригады Республиканской армии — 2890 мужчин и 18 женщин — переплыли реку, захватили плацдарм у городка Кастельетс-дель-Сегре и удерживали его десять дней.

В действительности ни Кастельетса, ни XI бригады, ни войск, противостоявших ей «На линии огня», никогда не существовало. Но хотя номера воинских частей, названия населенных пунктов и имена персонажей вымышлены, зато события, деяния и люди, которые стали прообразами героев этой книги, вполне реальны. Именно так в те дни, в те трагические годы сражались по обе стороны фронта отцы и деды возможных читателей этой книги.

Об одной из самых жестоких и кровопролитных битв, когда-либо происходивших на испанской земле, — о боях на Эбро, в ходе которых погибло больше двадцати тысяч республиканцев и националистов, — существует обширный массив документов, включающий многочисленные прямые свидетельства, рапорты и донесения. На этом материале автор, сочетая скрупулезно выверенную реальность с вымыслом, используя личные и семейные воспоминания, и выстроил свое повествование.

Красные дерутся упорно, отстаивают каждую пядь земли и погибают мужественно. Они родились в Испании. Они — испанцы, и значит, храбрецы.

Хуан Ягуэ, франкистский генерал

Мы не были красными чудовищами, а они — фашистскими людоедами. И они, и мы — лучшие из них и из нас — были молоды и добры. Говорю это потому, что, как мне кажется, стало модно обливать нас и их грязью. Думаю, нам стоило бы сообща заткнуть клеветникам глотку.

*Офицер 46-й дивизии
Республиканской армии. «Альфамбра»*

Понимать язык врага, говорить на одном языке с теми, кто убивает тебя и кого должен убить ты, — это сущее мучение, это невыносимо тяжкое бремя, лучшее на наши плечи... Человек, который произносит слова «любимая» и «друг», «дерево» и «товарищ» в точности, как ты... Который выражает радость теми же словами и ругается так же, как ты. Который рядом с тобой, под одним знаменем, шел бы в атаку на чужеземных захватчиков.

*Рафаэль Гарсия Серрано.
«Верная пехота»*

Стойкость против упорства, отвага против храбрости, и — смею сказать — доблесть против доблести и героизм против героизма. Ибо в этой битве испанцы дрались с испанцами.

*Висенте Рохо, начальник
Генерального штаба Республиканской армии*

О господи, какие звери. Но какие люди!

*Артуро Барра.
«Так выковывают мятежника»*

*Посвящается
Аугусто Ферреру-Дальмау, баталисту*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕНИ НА БЕРЕГУ

I

Время — 00:15; ночь безлунная.

Восемнадцать женщин из взвода связи, притаясь во тьме, неподвижно и немо смотрят, как движется к берегу реки густая вереница теней.

Ни слова, ни вздоха. Только шуршат сотни подошв по земле, влажной от утренней росы, да изредка негромко лязгнут, соприкоснувшись, винтовки, штыки, каски, фляги.

Цепочка темных силуэтов кажется бесконечной.

Взвод, присев у ограды разрушенного дома, уже больше часа ждет своей очереди выдвигаться. Исполняя приказ, никто не курит, не разговаривает и почти не шевелится.

Самой юной во взводе — девятнадцать лет, самой старшей — сорок три года. В отличие от ополченок, которых так любят фоторепортеры иностранных газет, но никогда не встретишь на передовой, никто не носит винтовку и патронташ. Подобное хорошо для пропаганды или для изустных легенд, но никак не для выполнения предназначенных им задач. Восемнадцать связисток к показухе не склонны: на боку у каждой пистолет, за спиной — тяжелый ранец, рации, антенны, два гелиографа, полевые телефоны, большие катушки с проводами. Все пошли на фронт добровольно, все здоровы, крепки, дисциплинированы, все либо «сознательные активистки» компартии, либо уже получили партбилет, все — лучшие из лучших, прошедшие подготовку в Москве или в мадридской «Школе Владимира Ильича» под руководством советских инструкторов.

Только этих женщин включили в состав XI сводной бригады и доверили им форсировать реку. Их задача — не сражаться с врагом, а под неприятельским огнем обеспечивать связь на плацдарме, который по замыслу республиканского командования должен быть создан в секторе Кастельетс-дель-Сегре.

Патрисия Монсон — сослуживицы зовут ее Пато — меняет позу, чтобы ремни катушки с пятьюстами метрами провода не так больно врезались в плечи. Пато сидит на земле, опершись спиной о свою кладь, и смотрит на скользящие впереди темные фигуры, которые идут в бой — пока еще не начавшийся. Одежда ее вымокла от ночной росы и от сырого тумана, напозающего с реки. За спиной у нее катушка в деревянном решетчатом ящике, а потому вещевой мешок придется бросить здесь — его обещали доставить со вторым эшелоном; большие карманы синего комбинезона набиты всем необходимым — там вырезанный из автомобильной покрышки жгут, чтобы остановить кровотечение, индивидуальный пакет, носовой платок, две пачки сигарет «Лаки страйк» и фитильная зажигалка, личные документы, размноженный на гектографе план местности, который раздал им комиссар бригады, пара носков и запасные трусики, три тканевые прокладки и упаковка ваты на случай месячных, полкусочка мыла, банка сардин, ломоть черствого хлеба, техническое руководство по связи, зубная щетка, зубочистка, которую зажимают в зубах¹ во время обстрела или бомбежки, швейцарский нож со щечками из рога.

— Приготовиться... Сейчас и мы двинемся.

По взводу пробегает шумок. Пато Монсон облизывает губы, глубоко вздыхает, снова меняет позу, поудобнее прилаживая ремни на плечи, поднимает к небу голову в пилотке, надвинутой на брови. Никогда еще она не видела такого множества звезд.

¹ Зубочистка, зажата в зубах, не позволяла плотно захлопнуть рот во время бомбежки или артобстрела и таким образом помогала уберечь барабанные перепонки от взрывной волны. Во время Гражданской войны в Испании все старались иметь при себе зубочистки. Детям зубочистки прикрепляли на ворот одежды. — *Здесь и далее примеч. перев.*

В настоящем бою ей предстоит участвовать впервые, но она руководствуется чужим опытом. Узнав, что через сорок два часа должна будет оказаться на другом берегу Эбро, она, как и почти все остальные связистки во взводе, остриглась наголо: на это имелись две важные причины — чтобы издали нельзя было определить ее пол и чтобы в ближайшие дни, когда будет не до гигиены, обезопасить себя от вшей и прочих паразитов. Благодаря этому она будто обрела черты двуполого существа и в облике двадцатитрехлетней девушки проступило сходство с мальчиком-подростком, чему еще больше способствуют пилюжка, синий комбинезон, перепоясанный ремнем, который оттягивают фляга, кобура с пистолетом «ТТ-33» и две запасные обоймы. На шее у нее, связанные шнурками, висят подбитые гвоздями русские армейские ботинки, выданные неделю назад, еще не разношенные, а потому натершие волдыри на пятках, так что теперь приходится ей ходить в альпаргатах.

— Подъем! Вот теперь и впрямь пора.

Это подал голос единственный во взводе мужчина — лейтенант-ополченец Эрминьо Санчес. Его невысокая хрупкая фигура снует среди связисток. В темноте лица не разглядеть, но, наверно, оно такое же, как всегда, — худое, небритое, с постоянной улыбкой. Он — коммунист, как и большинство офицеров и сержантов в бригаде. Его любят, да и как не любить этого славного малого в роговых очках на носу, с башенками — эмблемами инженерных войск — в петлицах, с вечными прибаутками о священниках и монахинях на устах, с выбивающимися из-под фуражки завитками волос — рано поседевших и таких курчавых, что снискали ему прозвище Харпо¹.

— В одну шеренгу становись.

Тяжелое дыхание, приглушенный говор, звон амуниции — взвод в темноте поднимается с земли. Девушки, подталкивая друг друга, выстраиваются вдоль ограды, наугад выравнивают строй.

¹ Харпо («Арфа») — прозвище Адольфа Артура Маркса (1888–1964), американского комика, участника комедийной труппы братьев Маркс; частью его сценического образа был курчавый рыжий парик.

Стараясь не думать о том, что ждет их всех на другом берегу реки, и сама удивляясь, что чувствует не страх, а только сосущую пустоту под ложечкой, Пато вглядывается туда, где у кромки воды ждут *плавсредства* — рыбацьи лодки, баркасы, плоты. Для переправы через Эбро и высадки, предшествующей генеральному наступлению, в ходе которого Кастильетс окажется на самой оконечности западного фланга, Республика реквизировала от Мекиненсы до Средиземного моря все, что может держаться на воде.

— Вперед — и без шума, — шепчет Харпо. — Фашисты пока не догадались, что им готовится.

— Бог даст, когда догадаются, поздно будет, — отвечает женский голос.

— Если бы проваландались еще час, в самый раз было бы, — звучит другой.

— Наши уже начали переправу?

— Только что... Плывут с гранатами и легким вооружением на автомобильных шинах... Мы их вчера видели.

— Чтобы в такую ночь да в таком месте лезть в воду, надо быть отчаянными ребятами.

— Но на том берегу пока тихо.

— Добрый знак.

— Хоть бы это продлилось, пока мы не высадимся...

— Ну, хорош болтать! Заткнуться всем.

Этот сердитый приказ отдан сержантом Ремедьос Экспосито. Ее хриловатый, отрывистый, резкий голос — «московский говорок», как шутят ее подчиненные, — ни с чьим другим не спутаешь. Ремедьос — женщина сухая и суровая, настоящая коммунистка. Во взводе она старше всех годами и званием. Штурмовала казармы Ла-Монтаньи, обороняла Мадрид, месяц стажировалась в Ленинграде, в Академии связи имени Буденного. Вдова: мужа-синдикалиста убили в Сомосьерре в июле 36-го.

— Далеко еще до реки? — спрашивает кто-то.

— Отставить разговоры, кому сказано?!

Стараясь не споткнуться, держась за впредиидущего, они бредут в темноте. Только и света что от звезд, густо рассыпанных по небу.

Невидимая дорога полого спускается к берегу. Сейчас с обеих сторон уже смутно вырисовываются многочисленные кучки людей, застывших в ожидании. Пахнет пропотелой и грязной одеждой, ружейным маслом, мужским телом.

— Стой. Пригнись.

Пато, как и все, подчиняется. Лямки ящика с катушкой немилосердно врезаются в плечи, и, воспользовавшись заминкой, она, не снимая его, опускается на землю.

— Если кому надо облегчиться, — шепчет Харпо, — давайте сейчас.

Кто-то из девушек пытается присесть. Но Пато слишком неудобно — сначала надо снять ящик, расстегнуть комбинезон, а потом опять навьючиться, — а потому она решает помочиться прямо так, в чем есть. И, замерев, чувствует, как горячая влага течет меж ног, пропитывает штанины комбинезона, и так влажные от росы.

Висента Эспи, оказавшаяся рядом, поддерживает ее за плечо. Эта пухленькая красоточка работала на заводе Зингера, а года за два до мятежа Франко, разодевшись в пух и прах, представляла свой квартал на праздничном шествии в честь святого Иосифа. Валенсианка, как зовут ее подруги, тоже впервые участвует в боевой операции. В ранце у нее — два полевых телефона, каждый — по десять килограммов весом: русский аппарат «Красная заря» и второй, трофейный, взятый у фашистов под Теруэлем, — «Фельдферншпрехер НК-33». Она, как и Пато, состояла в молодежной коммунистической организации, а познакомились они четыре месяца назад в школе связистов — ходили в увольнение на танцы или в кино, делились девичьими секретами. Славная девочка эта Валенсианка, брат у нее — артиллерист, воюет на этом же фронте.

— Пописала?

— В штаны.

— Я тоже. Дай бог, чтоб повезло и сегодня ночью ничем больше не залились.

Они стоят рядом, плечом к плечу. Ждут. В тишине слышно только, как совсем близко шумит река и — приглушенно, но

все же отчетливо — как идет погрузка в лодки. От этого берега до противоположного здесь — полтора метра. Пато сама подсчитала расстояние на плане: полтора метра воды, тьмы и неизвестности.

Харпо и сержант Экспосито, проходя вдоль строя, дают инструкции:

— В лодке уже есть двое гребцов, значит садимся по шесть человек в каждую, — вполголоса говорит лейтенант.

— Разве переправу не навели? — спрашивает кто-то.

— Понтонеры до рассвета не успеют, а мы отправляемся немедленно.

— А что будет, если по нам откроют огонь, когда мы будем на середине реки?

— Да ничего не будет — не кричать и вообще голос не подавать, пока не доплывете до того берега...

— Понятно? — припечатывает сержант.

— А если течением снесет?

— Товарищи, переправившиеся вплавь, протянули канаты с берега на берег... Над самой водой и чуть наискось, чтобы использовать течение.

— Понятно? — жестко и настойчиво повторяет Экспосито.

Ей отвечает общий утвердительный шепот.

— Ма-ать твою, какие девочки, — доносится с правой обочины мужской голос с хорошим мадридским выговором.

Эти слова тотчас подхватывает приглушенный мужской хор, где предвкушение перебивается комплиментами — подхватывает, но тут же смолкает, оборванный командой.

— Береги придатки, девчонки! — раздается напоследок чей-то шепот.

И снова — сосредоточенная тишина, которую нарушают только негромкие звуки, долетающие от воды. Пато слышит плеск воды под лопастями весел, стук дерева, звон железа, отданные полупшепотом приказы. На том берегу пока царит безмолвие. Девушка знает, что в эту самую минуту ниже по течению, между Кастельетсом и Ампостой, с извилистого берега, протянувшегося на сто пятьдесят километров, шесть республиканских дивизий по двенадцати направлениям форсируют

Эбро, чтобы внезапно ударить по франкистскому гарнизону. Замыслы высокого начальства в подробностях неизвестны, но ходят слухи, что в ходе наступления планируется взять Масалуку, Вильяльбу, Гандесу и горную гряду Пандольс, чтобы оттуда двинуться к Средиземному морю и отбить захваченный Винарос.

— Пошли, — пролетает вдоль строя команда Харпо.

Пато идет вместе с другими, следом за Валенсианкой, углубляясь в заросли тростника, а тем ближе к реке, тем гуще и доходят до пояса. Мокрые штанины студят бедра, по телу пробегает озноб, и девушка стискивает зубы, чтобы не стучали, а то кто-нибудь решит, что это у нее со страху, а не от холода.

Все рыхлее и влажнее почва. Ноги в альпаргатах вязнут по щиколотку: земля раскисла от сотен ног, а дальше становится настоящим болотом.

— Стой. Первая шестерка — в лодку.

Вот теперь в отраженном свечении звезд на воде можно различить темные силуэты лодок. Стучат, сталкиваясь, борта, чавкает жидкая грязь, плещет вода. Гребцы вполголоса, стараясь, чтоб вышло потише, поторапливают связисток:

— Руку, руку давай сюда, хватайся... Давай же. Вот так, хорошо.

Черный как ночь берег усеян россыпями светлых пятнышек. Пато засматривается на них, но в этот миг чувствует, что вот-вот потеряет завязшую в земле альпаргату, и наклоняется потуже завязать ремешки. Прежде чем снова выпрямиться, с удивлением и интересом рассматривает берег, по которому, как на празднике, будто рассыпаны сотни конфетти.

— Вторая шестерка — пошла... Шевелитесь.

Пато снимает ящик с катушкой, ставит его в лодку. Если вдруг что пойдет не так, не хотелось бы барахтаться в воде с таким грузом за спиной. Хватит и того, что карманы комбинезона набиты всякой всячиной. Потом упирается руками в борт, переносит поочередно обе ноги — и оказывается в узкой лодке, вплотную к своим товаркам. Рядом плюхается Валенсианка. Кто-то отталкивает лодку от берега, слышится стук весел о дерево.

— Хватайтесь за канат и подтягивайте лодку, помогайте гребцам и течению, — говорит рулевой.

Обдирая ладони о толстый мокрый канат, шесть девушек выполняют приказ. Слышно их тяжелое дыхание. На противоположном берегу по-прежнему тихо: очевидно, что фашисты пока ничего не заметили, однако в любую минуту все может перемениться. Все знают это и потому стараются, чтобы лодка как можно быстрее двигалась к темной полоске берега — с каждой минутой она видна все отчетливей.

В этот миг до Пато доходит наконец, откуда взяли сотни бумажных клочков на берегу: прежде чем отправиться навстречу ближайшему и совершенно неведомому будущему, в прямом и переносном смысле окутанному мраком, все бойцы штурмового отряда уничтожают свои документы — членские билеты компартии, профсоюзов, Федерации анархистов и прочие. Неизвестно, что произойдет в первые минуты боя, но, если попадешь в плен, такая книжечка может стоить тебе жизни.

Это открытие обрушивается на нее как оплеуха, и впервые за эту ночь смутная тревога уступает место страху. Настоящему и небывалому еще — теперь она ясно сознает это — страху: сильная непонятная дрожь, зародившись где-то в паху, медленно поднимается к животу, охватывает грудь, доползает до пересохшей глотки, до головы, отуманенной предчувствиями. Сердце бешено колотится, холодеет, будто заволоченное стыллой, серой, грязной пеленой.

И Пато, охваченная этим ужасом — неизведанным доселе, не похожим ни на что прежде испытанное, — выпускает из рук канат и торопливо роется в карманах, отыскивая партбилет; находит его, рвет в клочки, бросает за борт.

В сотне шагов от берега пехотинец Хинес Горгель Мартинес, который сидит в своей стрелковой ячейке, положив винтовку Маузера на бруствер, а стальную каску — на землю, ощупью насыпает табак из кисета, сворачивает самокрутку, проводит языком по краю бумажки, заклеивая ее, вертит в пальцах, подносит ко рту. Темень такая, что видны только белые пятна его рук.

На аванпостах курить запрещено, но до смены — еще три часа, а начальства поблизости не видно. Хинеса никак нельзя счесть образцом дисциплинированного солдата, выполняющего все приказы, — скорее наоборот. Ему тридцать четыре года, он умеет читать и писать, знает четыре правила арифметики. В его послужном списке — если бы таковой сейчас у кого-нибудь имелся — было бы отмечено участие в боевых действиях при Брунете и под Теруэлем, но в обоих эпизодах он старался в самое пекло не лезть, благо к такому поведению у него врожденный талант. Любого врача спроси — он тебе скажет, что пули и осколки чрезвычайно вредны для здоровья.

Горгель, достав из кармана зажигалку, сгибается в три погребели, чтобы высеченная искра была незаметна, крутит колесико и прикуривает от дымящегося фитиля. Пряча самокрутку в ладони, глубоко затягивается, а потом надевает каску, приподнимается немного, вглядывается в чернильную черноту: не слышно ничего, кроме сверчков, не видно ничего, кроме звезд. Даже ветер стих. Убедившись, что все спокойно, солдат снова усаживается на дно окопа, спиной к реке.

Он не видит, но знает, что слева и справа от него в таких же окопчиках сидят его товарищи. Двести метров берега они держат вшестером, что заставляет усомниться в умственных способностях тех, у кого под началом войска, обороняющие сектор Кастельетс, — половина пехотного батальона, *табор*¹ марокканцев и рота легионеров. Всех их, думает он, так же клонит в сон от скуки, как и его самого. На фронте — затишье, а слухи о готовящемся наступлении противника — слухи и есть, а веры им нет. Кроме того, имеется прекрасная естественная преграда — река. И поставлены проволочные заграждения. Вот потому, скорчившись на дне ячейки, закрыв от ночной росы ноги полами шинели, удостоверившись, что ни с боков, ни сзади никто не заметит огонек его сигаретки, Горгель покуривает в свое удовольствие.

¹ В туземных войсках — подразделение, примерно соответствующее батальону.

Покуривает и думает, что не будь реки между ним и красными, он перебежал бы к ним. Да, если бы не было реки и хватило бы духа.

Эта мысль уже не раз приходила ему в голову, потому что Альбасете, откуда он родом, находится в республиканской зоне. В Альбасете у него остались жена, сын, вдовья мать, сестра, а он вот служит в неприятельской армии оттого лишь, что так карта легла: 18 июля 1936 года в Севилье, где он тогда работал, его мобилизовали. В сущности говоря, он по профессии плотник, в политике не разбирается, ни в каких организациях, включая футбольный клуб, сроду не состоял, ему что те, что эти — все едино. Однажды, правда, голосовал за левых, но когда же это было? Кончится же когда-нибудь эта война, и кто бы ни победил, людям снова понадобятся двери, окна, столы и стулья взамен переломанных за последние годы. И потому при мыслях о семье — а письма, которые он посылает кружным путем, через одного родича, осевшего во Франции, либо не доходят, либо остаются без ответа — Горгеля охватывает самая черная тоска. И таких, как он, много и на той стороне, и на этой.

Да, хватило бы духу, давно перешел бы линию фронта. Однако расхолаживает история четверых однополчан, которые попытались было перебежать, но попались и были расстреляны. Впрочем, сейчас уже и смысла нет рисковать — все твердят в один голос, что скоро войне конец: красные терпят поражение за поражением и им, по всему видать, крышка. А раз так, имеет смысл держаться националистов и сейчас, и когда, бог даст, вернется в Альбасете. И возьмется за плотницкое свое ремесло.

Он бережно гасит окурок и прячет его в кисет: шесть недокуренных самокруток — все равно что одна целая, и тут ему чудится какой-то звук, донесшийся от реки: как будто стукнуло дерево о дерево. Выпрямившись в своем окопчике, он вглядывается в берег, но взгляд тонет в непроницаемой тьме. Потом смотрит налево и направо, на соседние ячейки, где сидят его товарищи. Но и там ничего — ночь да безмолвие.

Ненавижу эти проклятые караулы, думает он.

Оглавление

Часть первая. Тени на берегу.....	15
Часть вторая. Лоб в лоб.....	177
Часть третья. Зубы дьявола.....	401
Эпилог.....	599